

СТИХИ

Богомолов Ю. С.

Москва 2017

Ю. С. БОГОМОЛОВ

СТИХИ

«Издательство «Перо»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Богомолов Ю. С.

Стихи / Ю. С. Богомолов — «Издательство «Перо», 2017

ISBN 978-5-906933-66-9

«...Природа склонна жить неторопливо,Задумчивость свою лелея по утрам.То улыбнётся, то споёт плаксиво,То успокоится и возвратится к снам...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-906933-66-9

© Богомолов Ю. С., 2017
© «Издательство «Перо», 2017

Содержание

«Декабрь. Предпраздничная тишь...»	7
«Белым-бело...»	8
Прогулка по набережной	9
Поездка на родину	10
«То долгий день. То долгий, долгий вечер...»	11
Не пишет человек...	12
Сентябрь	13
Зимняя тишина	14
Скандинавская ходьба	15
«От детства только и осталось...»	16
Деревенский старожил	17
Улыбка	18
Нехитрая песенка	19
Деревенская идиллия	20
Лилейник, камнеломка, ноготки...	21
Пеликан в саду	22
Летнее утро	23
«Над крышами сельских домов...»	24
Гроза	25
Полустанок	26
Детство	27
Старость	28
Мужчина в кожаном пальто	29
Поздняя любовь	30
«Задумчив вечер...»	31
«Поздняя дороженька...»	32
«Полна любви смиренная душа...»	33
Августовская ночь	34
«Поутру, за городом...»	35
«Одинокое горит среднерусская зимняя ночь...»	36
«Удивительные дни приходятся на старость...»	37
Душа	38
Лев Толстой 1910	39
Токарь	40
Внуки	41
«Всю ночь шел снег, всю ночь мело...»	42
Мои гости	43
Поздняя осень	44
Сигареточка	45
Осколки	46
Осколки 2	48
Бродский	50
2016 год	51
«Зима влажна, как промокашка...»	51
«Присутствие незримое свободы...»	52
Ночь в ноябре	53

«При тусклом свете октября...»	54
Сентябрьские ночи	55
Хуторок	56
«Какой бурьян! До крыш...»	57
«Не слышится ни гóлоса, ни пения...»	58
«Мне б хотелось улыбнуться...»	59
«Солнце скрылось за лесом желтым колесиком...»	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ю. С. Богомолов

СТИХИ

© Богомолов Ю. С, 2017

* * *

«Декабрь. Предпраздничная тишь...»

Декабрь. Предпраздничная тишь.
И – года нового во власти –
Как перышко, как снег летишь.
Повыше самых верхних крыш
До вдохновения и страсти.

«Белым-бело...»

Белым-бело.
Побелкою прошелся
По редким скверам черных городов
Маляр тщедушный.
Человек извелся
Без белизны.
И слез глаза его полны.

Белым-бело.
Белее только свет
Живой души.
Как снег хрустит под каблуком
Заждавшихся сапог!
И солнце каплею дрожит
Расплавленной.
И, если ты предполагаешь жить,
Дружок, –
Живи.
Фигуры на доске расставлены.

Прогулка по набережной

Вот жизнь твоя – взглядишь смелей.
Вглядишь – какие краски!
И света белого белей
Один денек декабрьский.

Один снежок. Один стежок.
Один квартал до пристани.
Один единственный дружок.
Один дружок – единственный.

Поездка на родину

Места родные. Край унылый.
Лишь память может воссоздать
И двор. И дом, в котором жил я.
И скудной жизни благодать.

«То долгий день. То долгий, долгий вечер...»

То долгий день. То долгий, долгий вечер.
Но жизнь, в итоге, коротка,
Когда в саду, куртку взяв на плечи,
В ночи плывешь. И тонешь в речке Млечной.
И под ногой не чувствуешь песка.

Не пишет человек...

Не пишет человек.
Ты ждешь, а он не пишет.
Он полагает, что слова излишни
И сути не сказать.
Он много может полагать.

Но, сердцу как же приказать
И сердце всё же слышит, слышит
То ли слова, то ли мотив...
И где он? Мертв ли? Жив?
Когда бы знать! Когда бы знать!

Сентябрь

Природа склонна жить неторопливо,
Задумчивость свою лелея по утрам.
То улыбнётся, то споёт плаксиво,
То успокоится и возвратится к снам

Несбыточным. О трепетной поре.
О клейких листиках. О ласковой удаче.
Когда народ, прихлебывая чай на даче,
Её, красотку юную, своей заботой грел

И называл голубушкой, касаткой...
Теперь с народа взятки гладки.
Сад опустел. Зброшен. Позабыт.
Не слышен смех. И печка не горит.
И вещи брошены. Насосы, бочки, банки,
Пузатые бутылки, сковородки, склянки,
Одежды влажный ворох, смятый плед,
В сарае старенький велосипед,

На чердаке вещей, наверно, с тыщу.
В углу – корзинки. На столе билет
Автобусный. Давнишний...
А в окнах вечером уже не светит свет.

Зимняя тишина

Набегавшись.
Высунув язык от атмосферного груза.
Катишь за город. Один.
А в сугробах дома.
И понимаешь,
Что самая лучшая музыка –
Это, когда с небесной пластинки
Звучит и звучит тишина.

Скандинавская ходьба

Он человек был неброский.
Он человек был небритый.
Он был, под старость, мягче воска,
Поскольку жизнью побитый.

Давно он не искал причины
Своих поступков и соседей.
Напротив магазин был винный.
Но он шел дальше, тем не менее.
И в доме, там, где проживали
Цельнопрактические души
Его совсем почти не знали.
Он не мешал. И не был нужен.

Судьба к нему благоволила
И на него не наседала.
И вдаль от шумного квартала
Гулять за ручку выводила.

Он выходил в осенний вечер,
Шел в парк безлистный почернелый
И падал снег ему на плечи,
Раскрашивая подбородок мелом.

Он был немолод, неприветлив.
Скорее низким был, чем рослым.
Он никогда не знал ответы
На заданные в лоб вопросы.

Но был своим в осеннем парке.
Его там точно, узнавали.
И ходоки, меняя палки,
Его, по правде, не меняли.

Одни махали ему ручкой
Другие вежливо кивали,
Но, набирая скорость круче,
За поворотом исчезали.

И он, по правде, был доволен.
Да что! Он был почти что счастлив!
Он был не одинок и волен
Средь скандинавского участия.

«От детства только и осталось...»

От детства только и осталось,
Как от компостера, билет пробитый,
Такая же, по сути, малость –
Поселков череда. Их свиток.

Их список скудный. Без эпитетов.
Слова обычные, простые.
Названия поселков: существительные
С разбросанными запятыми.

Попробуем. Что держит памяти,
Не знаю, решето иль сито?
Но то, что держится, то впаяно.
То замуровано. Прибито.

Кузовка, Песковатка, Аннино
Крутое, Байгора, Петровка.
Как ни крути, им место занято.
Судьбой очерчена тусовка.

Срослись с тобою переправы.
Домишки ветхие при въезде.
Дороги тряские, ухабы
И ночью влажные созвездия.

Дымы под утро над деревнею.
Туман скользит по скатам крыш.
Еще минута... Солнце светит,
А ты, малец, так сладко спишь!

Деревенский старожил

Беда – не повод для тревог.
С годами прибывают беды.
Но сладок утренний глоток
Воды в стакане, освещенной светом.

И снисходителен прищур
Усталых глаз. Их обладатель
На все вопросы отвечает – «Пас!»
Он – не игрок. Он – наблюдатель.

Он курит крепкую махру.
И, сидя сиднем на крылечке,
Всех проходящих по селу
Зовет с улыбкою сердечной.

Всех баб и редких молодежи
Приветит ласковое слово.
Среди разнообразных лиц
Уже он не встречает новых.

Всех деревенских пацанов
По отчеству он величает.
И родословную дворов
Для сельсовета разъясняет

Но где кончается село,
А где он сам берет начало,
О том не знает ничего.
И, видно, никогда не знал он.

Улыбка

Декабрьская тьма. Остановка. Маршрутка.
Сидишь у окна. Полудремы минутка.
Езда на работу в сознании зыбком...
Как вдруг промелькнула живая улыбка.

Лицо, как лицо. И не сразу заметишь.
Простое пальтишко. Покатые плечи.
Улыбка же – нежит. Улыбка нас правит.
И хрупкое сердце, как олово плавит.

Такая улыбка в декабрьские дни
Случайную радость, как сторож хранит.
Светило пропавшее нам замещает.
Нас греет, голубит, щадит и прощает.

Нехитрая песенка

Нехитрая песенка пока еще поется.
И слова не подыскиваю – какие придется.
То мелодию затяну, то на миг обрываю.
То ниточку ловлю, то никак не поймаю.

И тропка прибитая. Идешь медленно.
Сосны на берегу золотисто-медные.
Сквозь облако протянута солнечная спица.
Голову поднимешь – голова кружится.

Деревенская идиллия

Из города, где нет ни воздуха, ни воли,
Надумали свинтить. Без лишних предисловий.
Домишка маленький на Истре или Клязьме.
Ну, что еще нам надобно для счастья?!

Здесь лес простой, сквозной, пахучий.
А воздух тихий. При движении певучий.
На небе медленно-изменчивые тучи
И взгляд теряется вдали. И не бывает круче.

Народ здесь «окает». И речка говорлива.
В саду посадим мы и яблоню, и сливу.
Соседская корова молоком приветит...
И, может, проживем еще на белом свете!

Лилейник, камнеломка, ноготки...

Лилейник, камнеломка, ноготки,
Петунии, хосты, дикий виноград...
Размашистые, яркие мазки
Между землей и воздухом парят.

* * *

Медведицы неполный пятизвездный ковш.
Звезды полярной тусклый огонек.
В куртёнке съёжился, чуть утишая дрожь...
Как воздух влажен. Ах, как мир хорош!

Пеликан в саду

Денек обычный. Сада уголок.
Поставили у ивы пеликана.
Это – муляж. Изделье. Но упрямо
Он втискивается в ряд живых существ
Почти неотличим от них с хвостом чернявым.

И белых перьев в тусклом солнце блеск.
И красный клюв. И взгляд невозмутимый.
На полотне газона, потерявши вес,
Того гляди, он снимется. И улетит лениво.

Летнее утро

Улетела, как бабочка, из подъезда соседка
В белых майках играют шахматисты в беседке.
Дворник кончил работу. Метлу зачехляет.
Где-то варят клубнику. Дух клубничный витает.

Как пчелиный укус, день, отчетлив и внятен.
Зреют желтые яблоки солнечных пятен.
В поднебесье колышется жаркое лето.
И не знаешь на этом ты свете? На этом!

«Над крышами сельских домов...»

Над крышами сельских домов
Живет первобытное царство
Тяжелых ночных облаков,
Похожих на школьные кляксы.
И комнаты теплой уют,
И чай за скатеркою чинный
Внезапно покажутся тут
Случайной ничтожной пылинкой,

Что в миг растворится во тьме
Холодной межзвездной печали...

Пойду-ка я лучше к жене.
Поди, уже дома заждались!

Гроза

На разных высотах плывут облака, постоянно меняясь.
Еще тишина на земле, но в пространстве – смятенье.
Как будто бои, высоко-высоко начинаясь,
С большим запозданием приходят, снижаясь, на землю.

И первые звуки: глухое за лесом ворчанье.
И свежий порыв: шевельнуло на яблоне ветку.
И снова – уже ненадолго – молчанье
И краснокирпичная тьма вместо яркого света.

Пугливо-стремительно падают ласточки ниже.
И грозные тучи на запад с востока несутся.
И гром громыхает все яростней, злее, все ближе
И падает на пол со звоном разбитое блюдо.

И сердце в секунду сожмет налетевшая жалость.
И трудно понять в первый миг, что же это разбилось?
Ах, блюдо!?! Какая счастливая малость.
Лишь, блюдо. Какая нездешняя милость!

Полустанок

Как хорошо не опоздать,
Куда бы ты ни шел.
Хоть вдаль бежали поезда,
Мне было не до поездов.

Спешили люди на восток,
На север и на юг.
И шпал смолистый частокол
Закручивался в круг.

И бедный, бедный человек
В заботах и трудах
Переходил с ходьбы на бег
И вдаль летел впотьмах.

А я стоял, как врытый столб.
А может, я мечтал.
Но есть ли в нашей жизни толк,
Признаться, я не знал.

Куда мне было сердце деть
В декабрьской темноте?
Колесами срезая снег,
Состав вперед летел.

Детство

В год моего рожденья был сквозняк
И холод был зимы непобедимый.
Родители укутывали меня так,
Что я остался все-таки живым и невредимым.

Через года, как маленький росток
Через асфальт, с трудом я пробивался.
Чумазый и голодный мой роток,
Помимо корок, мало с чем встречался.

И все-таки, скажу – счастливая пора!
Для счастья не нужна была причина.
Копеечка, стекляшка да игра,
Да в доме брат или другой какой мужчина...

Вот – жизнь страны, вот – жизнь ее детей.
Не сходятся, как параллельные Евклида.
На кухне коммунальной, меж дверей,
Без усталы читают Майна Рида.

Пусть трапеза убога и скудна,
Погода исключительно ненастна,
Жестока, неприветлива страна,
Но в детском восприятии – прекрасна.

Старость

К судьбе претензий нет. Поставим точку.
Немногочисленным, хвала ее дарам.
И каждый новый день – любезная отсрочка.
Великодушие, проявленное к нам.

Продвигается дело. Но и жизнь пролетает стрелой.
Открываются веки. Но уже закрывается рот.
Интересны походка, приветствие, жест человека.
И, как правило, вовсе не интересен народ.

* * *

Вот и старость. Две линии мелом
Прочерчены. Одна вниз уводит, другая
Вверх забирает. Бренное тело
Истончается. Душа парит и и взлетает.

Мужчина в кожаном пальто

Мужчина в кожаном пальто
Озяб. И потирает уши.
Он где-то рядом с парком служит.
А в парке выпивает. Граммов сто.

Он пьет один. И друг ему не нужен.
Он смотрит пристально на легкий снег...
Как короток его остатний век!
Как короток и благодушен.
Свобода и зима. Таков его конек.
А служба? Что ж. На то она и служба.
Горит в глазах наивный огонек
И нежность обволакивает душу.

И потому так красен его нос.
И так избыточны его надежды.
Как мальчик маленький, он не скрывает слез
И кутается в легкую одежду.

Поздняя любовь

Любуюсь на тебя, смотрю.
И голова моя кружится.
К тебе тянусь, как к журавлю
И мне не надобно синицы.

Я век бы рядышком ходил
Небесным светом осиянный.
И с тенью бы твоей дружил,
А на тебя не строил планы.

Тебе бы слов не говорил.
Не беспокоил понапрасну.
Умерил бы горячий пыл,
Столь неуместный и опасный.

Живи, как ласточка – паря.
Всех без разбору одаряя,
Моя вечерняя заря,
Открыточка моя из рая.

«Задумчив вечер...»

Задумчив вечер.
Если долго всматриваться ввысь
И наблюдать, как изменяют формы
Скопления облаков,
То обнаружишь,
Что не только формы меняются.
Но что природа вся –
Как-бы живое существо –
От светлого покоя переходит
К грусти. Затем к печали.
И в конце концов – к смятению.
Когда ж темнеет более,
И радость и тревога проходят.
Все вокруг приобретает
Отчетливость, контрастность.
Как будто бы перо невидимого каллиграфа
Тушью рисунок ясный вывело.
И взгляд трезвеет.
И чувства теряют живость.
И долго смотришь в небо просто так.
Затем заходишь в дом.
В кровать ложишься.
И быстро засыпаешь.
И спишь без снов.
Один.

«Поздняя дороженька...»

Поздняя дороженька
Под ноги легла.
Но не хочет ноженька,
Хоть бы и могла
Вдаль идти. Не сахарно
Здесь. Но хорошо.
Поле перепахано.
Заливной лужок.

Нитка серебристая
Речки да прудов
И над домом низкое
Пенье проводов.

Взлеты и падения,
Броды да мосты.
В пору наводнения
Трудных полверсты.

Вечера туманные.
Огонек степной...
Как быть с окаянною
Милой стороной?!

«Полна любви смиренная душа...»

Полна любви смиренная душа.
Над ней рассудок наш не властен.
Ей каждая букашка хороша
И всякий человек – прекрасен.

Она крылом тебя поднимет ввысь.
Она теплом своим согреет
Твою коротенькую жизнь.
И объяснит ее куда умнее.

Августовская ночь

Встанешь, спросонья накинув халат,
Ночь обнимает тебя, как невеста.
Яблоки звонко по крыше стучат,
Определяя и время, и место.

У водокачки по глади пруда
Спичкою-чирк. Пролетела звезда.
Счастья ль желал, или счастья не надо.
Не отвести изумленного взгляда.

«Поутру, за городом...»

Поутру, за городом,
Где эпохи нет никаких примет.
По лесной дороге ты идешь,
Оставляя далекий след.
Вдруг весна
Пахнёт на тебя
При быстрой ходьбе.
И поймешь,
Что Бог ближе нам,
Чем мы сами себе.

«Одиноко горит среднерусская зимняя ночь...»

Одиноко горит среднерусская зимняя ночь.
Две сосны и береза на взгорье при свете луны.
Постою. Полюбуюсь. И пойду себе медленно прочь...
Лишь ручей вдалеке подчеркнет глубину тишины.

«Удивительные дни приходятся на старость...»

Удивительные дни приходятся на старость.
Парк осенний красив, хоть и запоздало.
Шаг не ходкий, да и разум не быстрый.
Только небо над головой ослепительно чистое.

Ослепительно ясные бывают дни осенние.
Будто кто-то тусклым глазам твоим дал зрение.
Чувствам дал остроту и пронзительность.
И под вечер покой недолгому своему жителю.

.....

Удивительным образом с детством смыкается
Поздняя пора. И дОма хорошо. И со двора
Нет желания уйти. Забывается
Список обид. Будто ластиком стирается гора,
На которую не подняться. А теперь – пора.

Душа

Ни с кем не говорю. Молчу.
Со мной затворница тревога.
Взаимодействия ищу
Между душой своей и богом.

Пока внутри меня горит
Светильник слабый, невеликий,
И снег идет, и стол стоит,
И за окошком холод дикий.

Вскипает в чайнике вода,
Трещит растопленная печка.
И жизнь, хотя не молода,
Все ж выглядит по-человечьи.

Но если дух оставит нас,
И если пламя в нас погаснет,
Вещей строительный каркас
Исчезнет сразу. В одночасье.

Замрет могучий океан,
Устанет буйная природа
И зверь забудет божий план,
И остановятся народы.

И неподвижная Земля
В пустынном космосе качнется,
Погаснут звездные поля...
Пока душа не соберется.

Лев Толстой 1910

Шамордино. Сиротский ледяной октябрь.
Как-будто связи меж людьми ослабли.
Старик идет тяжелый, как корабль,
Медлительный, угрюмый, ржавый.
Осталась позади держава.
Семья. И умягченье нравов.
И, страшно выговорить, честь...
Вот век прошел, в который не присесть.
Природу перебарывает жесть
И ускоренье удалось на славу.

Лишь на секунду в год берет досада,
Когда свистит Сапсан у П.Посада
И граф идет в своем смешном наряде.
А мы за ним. По-прежнему плетемся сзади.

Токарь

Очки на носу поправляет,
Замасленный «штанген»¹ бере т.
Улыбкой своей удивляет
Серьезный курящий народ.

Он лыс и сутул, и тщедушен.
Он весь поместился в зазор
Меж теми, кто равнодушен
И теми, кто что-нибудь спёр.

В обед в шахматишки играет,
Поддержит и общий «базар»,
А бабам чужим починяет
Без денег худой самовар.

Шипит канифолью паяльник
И каплей ложится припой.
Его не тревожит начальник.
Он поздно уходит домой.

А ночью в мешке коммуналки
Один. Без семьи. Без детей.
Он спит беззаботно, как ангел...
Он с неба сюда залетел.

¹ «Штанген» – уменьш. от штангенциркуль.

Внуки

Они желаннее детей.
Мы видим в них свое подобье.
И простодушие их затей
Разглаживает нам надбровья.

И, не боясь глупцом прослыть,
По склонности найдя соседство,
Мы умеряем свою прыть
И с радостью впадаем в детство.

Друзья! Сопливые щенки!
Какие корчите вы рожи,
Как вы касаетесь щеки
До помрачения, до дрожи!
Жуки, букашки, паучки,
Червяк и хвойные иголки.
Коза пасется у реки.
И день... необычайно долгий.

Едва от бога отошли,
На шаг один или на локоть.
От жизни нашей вас тошнит.
И лучше старшим вас не трогать.

Гудит старательно пчела,
Вся белая от цвета ветка,
Качая ведрами, прошла
И поздоровалась соседка.

Открыто в комнате окно,
Распахнуты мальцами двери,
Сквозняк, как красное вино,
Бодрит. Пока, по крайней мере.

«Всю ночь шел снег, всю ночь мело...»

Всю ночь шел снег, всю ночь мело.
И, если б только непогода!
Но что-то новое жило
Во мне. И не давало ходу.

И не давало мне идти,
Привычкам следовать житейским...
Как будто бы судьей третейским
Я был на старости судим.
А с виду – будто невредим.
Но с новой тяжестью свинцовой.
И сыплет с неба снова, снова.
И из трубы всё дым да дым.

Мои гости

Ты здесь, моя внезапная усталость,
Приди. Тебе я рад. Ты задержалась.
Я притяну тебя, как лодочку пустую.
Когда ты поплывешь, с тобою поплыву я.

Ты здесь, мое минутное страданье.
Тебя я встречу ночью. Обещаю.
Как для кого. Ты для меня – небесное старание.
И ты меня прости, как я тебя прощаю.

Ты здесь, ночная тьма. Ты прилетела.
Глубокий мрак. Без мрака свет не виден.
Предтеча всякого рождения, дела.
Мироустройства непременный житель.

Смирение, ты ставишь нас на место.
В тебя впадают устремления, как в море.
Ты превращаешь в благородство жеста
И зло, и нетерпение, и горе.

Ты здесь покой блаженный. Отыскался!
Нет без тебя движения. Нет смысла.
О, как слезами без тебя я обливался
И падал вниз, как ведра с коромысла.

Поздняя осень

Пора забвенья и сиротства,
Прогулок долгих по лесам,
По блеклым, скудным небесам
В отсутствии людей и солнца.

Пора чернеющих полей,
Домов, где не бывает житель,
Картин, коим не нужен зритель
И слез, что не бывает злей.

.....

Осенний ветер ограждает
От человеческих тревог
И прелых, мокрых листьев стая
Ко мне садится на порог.

И в низкой комнате. Один.
(Как будто, Амундсен среди льдин).
Я, никого не задевая,
Жизнь проживаю до седин.

Сигареточка

Человек ничего не умеет.
У него только сердце болит.
Огонек сигареточки тлеет
Да по шиферу дождик шуршит.
Он все курит и курит, и курит.
И посматривает вокруг.
Он случайно женился на дуре.
Он утратил и зреньё, и слух.

Но глаза ли его обманули?
Или голос ее с хрипотцой?
Только взяли да не вернули
Из кармана его золотой.

Он теперь ничего не умеет.
У него только сердце болит.
Он, конечно же, будет умнее.
А пока сигаретка горит.

Осколки

С приличными людьми мечтаем мы дружить.
Отрадно видеть благородство в лицах.
Но парадокс – всяк хочет лучше жить.
Никто не хочет лучше становиться.

* * *

Борьба с коррупцией. Борьба борьбы с борьбой.
Собака, что за хвост сама себя кусает.
От подношений отказаться нам слабо,
А взятка, данная другому, возмущает.

* * *

Ненастная погода на дворе
Влияет на великодушие наше.
А если мы живем в дыре,
То с нами сталкиваться страшно.

* * *

Когда фортуна улыбнется,
Нам сладко жить. Но дело не дается.
Крутая благотворнее стезя..
Как диабетика, нам сладкого нельзя.

* * *

Есть стихи и бойки, и мудрено-забавны,
И блестят, как цветное стекло.
Но, прочтешь: ничего в рот не попало,
А только по бороде стекло.

* * *

Дурак от умного ума не наберется:
Всё будет жить не по уму, а как придется.
А, если умный дружбу с дураком сведёт,
То сам, ни за понюшку, пропадет.

* * *

Судьба, по счастью, не врет
И песен не поет хвалебных.
И каждому достанется свое
Не по деньгам. А по делам душевным.

* * *

Тот, кто обиды копит, без сомненья,
Подобен ядовитому растению.
Он мрачности суровой преисполнен.
Всему живому он несет смятенье.

* * *

Пусть мой карман совсем пустой
И деньги в нем не ночевали.
Меня пустили на постой
И за гостиницу не взяли.

* * *

Сердца глаголом не умея жечь,
Так и живу, по крохам собирая
Разумную обиденную речь.
Другую, как ни тщусь, не понимаю.

Осколки 2

Дом, где живет моя душа
И постарел, и обветшал,
Но для души удобен.

Душа живет в нем не спеша.
Она – хозяйка в доме.

* * *

Знакомя с теоремой Пифагора
Красавицу четырнадцати лет,
Увидел на окне, за шторой,
Фиалок маленький букет.

* * *

Слова приходят к нам гурьбой.
Строка рождается в минуту.
Но, твердой обеспечена валютой –
Поэта собственной судьбой.

* * *

На печке скудный варится обед.
Поленья и трещат, и весело пылают.
Господь меня хранит от невозможных бед.
Он лишь возможными дорогу устилает.

* * *

Хоть длинен перечень напастей
И перебои сердца – чаще,
Мы, спозаранку, не ворчим...

Испытываем редкостное счастье,
Не находя ему причин.

Бродский

Поскольку он любви по жизни не добрал,
То стал писать стихи. Он на стихи поставил.
Соорудил из них высокий пьедестал
И два десятилетия нами правил.

Мы малодушно спали – он нас в бок ширял.
И мысли порождал, как брагу горькую, закваска.
Один глагол нас оживлял, другой нас отравлял.
Мы слушали его с восторгом и опаской.

В конце концов пресытились. Устали мы
От сильнодействующего средства...
Поклон тебе, исследователь тьмы!
Прости недружелюбное соседство.

2016 год

«Зима влажна, как промокашка...»

Зима влажна, как промокашка,
Которой слезы вытерты. И нос.
Не надо принимать всерьез
Ее минутные капризы.
Денёк, другой, наст схватится. Мороз
Скует и скрепит дерева. Карнизы
Сосульками облепит. Ты права.
Важны поступки. Не слова.
Ты – храбрая портняжка.
Жанна Д. Арк,
Которой храбрость, разве парк
Пустынный, отметит.
Давно с тобою мы на свете,
А ты всё молода. А я всё стар.

«Присутствие незримое свободы...»

Присутствие незримое свободы
Нам незаметно до тех пор,
Пока внимательный надзор
Души летучей не коснется.
Тогда бредешь, не зная брода
И всё – ненастная погода.
Всё – запустенье и разор.
Но ты еще не понимаешь
Произошедшего с тобой.
И по привычке улыбаешь –
Ся, когда торопишься домой.
Но дом, как будто Антарктида.
Да и улыбка, словно льдина
В холодной проруби. Зимой.

А как тебе когда-то пелось!
Переливалось через край.
Светилось, радовалось, млелось.
В стакане ложечка звенела,
Помешивая утром чай.
И как дышалось полной грудью,
Какие рядом были люди...
Но вспоминай, не вспоминай!

.....

Всё так. Лишь только потеряем
Мы невесомый легкий дух,
То не живем, а ковыляем.
И не друзей своих встречаем.
А стариков, да их старух.

Ночь в ноябре

Хитросплетение голых веток.
Печаль смиренная и сладкая.
Из сочетания тьмы и света
Душа единственная складывается.
И ты стоишь в шубенке старенькой
Посередине мироздания
И звезды влажные мигают,
А ты не знаешь их названия.

И мир вокруг без швов и шума,
Без лоскутов и без кусочков
Лежит перед тобой, задумавшись,
Ноябрьскою холодной ночью.

«При тусклом свете октября...»

При тусклом свете октября
На жизнь свою смотрю иначе.
Душа, как лампочка горя,
Одна лишь освещает дачу.

Ушли заботы и тревога.
Размыты ближних адреса.
А осень рядом. Понемногу
Смиряет пышные леса.

Она, как редкостная птица,
Кружит, курлычет и кричит.
И то ли юность тебе снится,
И то ли нежность в тебе спит.

Сентябрьские ночи

Бредешь незряче. Невпопад.
Темны и строги стали ночи.

Душе теперь не до услад.
Серьезен полуночный взгляд,
Открыты в поднебесье очи.

Хуторок

Отсутствие домов – лечит глаза.
Лес с трех сторон – будто гроза.
А на восток – открыта даль.
Там поле, сырость и печаль.

И дни, как братья – близнецы.
И строги, будто пограницы.
Здесь нет забот и нет потех.
Здесь одинаково для всех

Проходит год, проходит век...
Здесь редко виден человек.
Лишь плачет ветер за окном,
Пронизывая насквозь дом.

.....

Мне эта доля по нутру.
Что ввечеру, что поутру.
А, прошлого, былого вязь
Я, точно ластиком, сотру.

«Какой бурьян! До крыш...»

Какой бурьян! До крыш.
Дома в нем утопают.
И лишь ночная тишь
От слез тебя спасает,
Когда придешь домой,
А дома нет в помине.
Лишь белой бахромой
Лежит туман в долине.
Кружит случайный лист
– Как одинок твой голос –
А в поле ветра свист
Да паутины волос.

«Не слышится ни гóлоса, ни пения....»

Не слышится ни гóлоса, ни пения.
Который год скрипит телега.
Возница дремлет.

Как в чае – сахар. Происходит растворение
В ненастном сизом небе
Дерев немногих.
Да и тебя – впридачу.

Вдруг, редкое, как золотой песок, движение...
Глядишь – а это мальчик маленький.
И – плачет.

«Мне б хотелось улыбнуться...»

Мне б хотелось улыбнуться.
Отчего б не улыбнуться
Этой дамочке с портфелем
И с лицом нерусским.
Этой девушке холеной
С каблуками тонкой шпилькой
И стоящей там, в сторонке,
Отчего б не улыбнуться?
Не взглянуть открытым взглядом.
Хороша, вообще-то, юность!
Даже, если не твоя.
Даже, если не похожа.
И с тобою не знакома.
Ничего тут нет плохого.
Много тут хорошего.

Юность бабочкой порхает
В свете солнечном июньском.
Даже, в офисах компаний.
Даже, в барышнях-молчунях.
Даже, если в полном теле.
Даже, если в теле узком.
Даже, если ты не в теме.
Даже, если тебе грустно
Всё равно ты улыбнешься,
Головою покачаешь...
Если, кто заметит слезы,
То, конечно же, случайно.

«Солнце скрылось за лесом желтым колесиком...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.